

Поэзия Максима Танка: междисциплинарный контекст

Адамович, Г.Е. Поэзия Максима Танка: междисциплинарный контекст / Г.Е. Адамович / Наука в современном мире : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 окт. 2010 г. : сб. науч. тр. / под ред. Г.Ф. Гребенщикова. – М., 2010. – С. 80–85.

Идея междисциплинарности может быть названа одной из ключевых идей научного и художественного познания. Об общности, которая связывает два типа познания – научное и художественное, писал классик белорусской литературы Максим Богданович. Уже в начале XX века поэт предупреждал, что раскол между ними, отрыв одного от другого без этапов единения имеет негативные последствия как для развития самих наук и искусств, так и для человека, у кого эти две сферы оказались разъединенными: «Наше поэтическое мировоззрение совершенно оторвано от мировоззрения научного; они чужды друг другу, не согласованы между собой; эволюция в одной из этих областей не оказывает ощутительного влияния на состояние другой, и, в конце концов, наша духовная сфера оказывается расколотой надвое» [1, 196]. В последние десятилетия XX века о негативных последствиях этой «расколотости» предупреждал Алесь Адамович, опираясь на наследие и авторитет Льва Толстого: «...ножницы между техническим прогрессом и нравственным движением, уровнем человечества»..., которые увидел, о которых предупреждал Лев Толстой («по степени своего нравственного развития люди не имеют права на пользование опасной для жизни техникой»), сегодня способны перерезать самую нить жизни – на всей планете!» [2, 196].

Обращение к междисциплинарным исследованиям в литературоведении обусловлены самой сущностью литературы как специфического способа познания, отличного от иных видов – религиозного, научного, и вместе с тем существующего в определенном единстве с ними. Принципиальное отличие этих сфер постижения мира содействует их развитию и расцвету. Временное их сближение на почве междисциплинарности оплодотворяет каждую из них, насыщает идеями и образами, которые могут быть развернуты, исследованы и восприняты как собственные приобретения, катализаторы дальнейших поисков, ферменты новых открытий в иной сфере познания.

Два направления развиваются в рамках междисциплинарных исследований: использование терминологии и обращение к методологии других дисциплин. Так, в 1960-е гг. Л. Тимофеев пишет: «...огромные успехи точных наук вызывают естественное стремление представителей гуманитарных наук обогатить изучение своего предмета, обратившись к терминологии и – главное – к методу точных наук» [3, 20]. В. Зинченко, В. Зусман, З. Кирнозе в начале 2000-х гг. обобщают: «Комплексное изучение

литературы – это исследование ее проблем с привлечением аналитических средств и методологической базы других наук, включая естественные, математику, кибернетику» [4, 38].

Плодотворность использования в литературоведческом исследовании терминологии и методологии других наук иллюстрируется на примере поэзии Максима Танка (1912 – 1995) – народного поэта Беларуси, академика. Обращение к междисциплинарности дает возможность представить поэзию М. Танка как художественное явление исключительной организованности, позволяет выявить упорядоченность художественного мира писателя, что оригинальным образом (как художественный аналог) отражает организованность и упорядоченность «первой», объективной реальности. Так, в теории систем понятие многоуровневых иерархических структур используется с целью оптимизировать планирование и управление отдельными предприятиями в частности и народным хозяйством в целом [5, 117]. Признавая, что концептосфера писателя – «живой» организм, система, которая изменяется даже после смерти ее демиурга, предлагаем выделить основные абстрагированные уровни – концепты: Вселенная – Земля – человечество – нация – Родина – общество – «другой» – «Я», и исследовать отношения между ними.

Вселенная – Земля. Великие открытия в естественных науках в XX в. были связаны с тем, что в эксперимент была введена личность наблюдателя, экспериментатора. Новые открытия в литературоведении сделаны благодаря введению в коммуникативную цепь «реальность – автор – произведение» личности реципиента, интерпретатора. Системы «Земля» – «Вселенная» сопрягаются через человека – наблюдателя, участника. В поэзии они осмысливаются прежде всего в жанрах философской лирики. Философская мысль поэта имеет космологический характер, где мир воспринимается как единое целое, объединенное в художественной системе стержнем: глубины космоса – Земля. Человек напрямую вплетен в ткань Вселенной: «Когда уйду, когда сойду / С космической тьмой, / Я позывные буду слать: / «Земля, Земля!.. Я – твой...» [6, 265].

В поэзии Максима Танка огромный Космос неразрывно связан с тем, что окружает человека на Земле, с его родиной и прежде всего с тем, что вмещает в себя величайшее из чувств – Любовь: «Земля покоится на трех слонах. / Слоны – на огромных черепахах. / Черепаха – на голубе. / Голубь – на хлебном колосе. / Колос – на детской колыбели...» [6, 183]. Неповторимым образом поэт угадывает самый великий из законов, названный пророком Данте как единый в основе построения Вселенной: «Любовь, что движет Солнце и светила» [7, 461]. Максим Танк пишет: «Земля покоится на трех слонах... / Колыбель – на материнской песне...». Стихотворение называется «Космология». Поэт моделирует Вселенную по своим законам. Законы, заложенные в основе художественного мира

Максима Танка, – законы Любви, верности, служения. Так мы находим поэта среди «звезд первой величины» – Данте, Шекспира, Гете.

Земля – Человечество. Поэт в постоянном поиске, он – путешественник: «Мне снится дорога, дорога.../ Встречай меня снова и снова, / Дорога, дорорга, дорога!» [6, 243–244]. Суммарный образ – образ человечества – возникает, когда мы обращаемся к географии путешествий поэта. Но он же распадется на отдельные образы народов, конкретных людей, состоит из обликов тех мест, где живут герои стихов Максима Танка. И вместе с тем особое, конкретное суммируется в художественном мире поэта, выявляя многоцветное, насыщенное жизнью, богатое материальными и духовными сокровищами существование человека на земле. И не только *поэт в России больше, чем поэт*. Поэт «больше», чем этнограф, изучающий народы и их образ жизни: «Парни кружатся в «Збуйницком танце», / Девушки прыгают через костер. / И я, зачарованный и онемелый, / Гляжу на стремительный этот бег...» [8, т. 2, 159]. Поэт «больше», чем географ, – он не только позволяет увидеть мир вокруг, но и дает возможность разглядеть его потаенные стороны, полюбить его, всмотреться в то, что не заметно на первый взгляд. Максим Танк поражен чудесными картинами природы Финляндии и вместе с тем отмечает, что эта земля богата культурными сокровищами: «Мне по сердцу прихлась земля Суоми, / Вся в шуме чащ и водопадном громе.../ Но мне слышны твои живые струны, / Твои незабываемые руны» [8, т. 2, 179].

Поэт больше, чем естествоиспытатель. Его айсберги – это не только «алмазы / Полярных сияний». Его айсберги – это сны, которые сняты гренландским китом. Это сбелиски, молчаливо застывшие в память «потопленным в море судам» [8, т. 2, 204]. Потому что поэт смотрит не только глазами, но и внутренним взором, проникая в самую сущность предметов и явлений. Путешествия обогатили художественный мир Максима Танка, придав его ландшафтам приметы тех краев, где побывал поэт. Они помогли отстроить ту вертикаль, «Вавилонскую башню», в построении которой, по Василию Розанову, человек «выражает мысль свою и вечную человеческую: от земли и «я» восходит к Богу и вечности» [9, 20], а в интерпретации Максима Танка, «чтобы достичь / До высоты небес, / До высоты / Полета своей мечты» [6, 367] (стихотворение «Вавилонская башня»). Формула человечества, выведенная поэтом, – это формула общего в неповторимом, единства в многообразии, формула любви, уважения к людям, к их обычаям и повседневной их жизни.

Человечество – Нация. Беларусь! – ответил незадолго до молодого Максима Танка молодой Янка Купала (в стихотворении «А кто там идет?»). Этот проблемы национальной самоидентификации, национальной принадлежности, с ними связано все, что позволяет утверждать: Максим Танк – национальный поэт, в его произведениях воссоздан облик белоруса. Якуб Колас, Михась Забейда-Сумицкий, Максим Богданович – белорусы, как

и Шекспир, Рэмбрант – герои, адресаты его поэзии. В то время как генетики изучают генетический код человека, просто человека, поэты «*другие*» – они изучают и передают следующим поколениям, другим народам генетический код представителя своей нации. Поэты учат людей согласию. Они позволяют увидеть их красоту, неповторимость всего того, чем живут эти люди, и увидев, принять их такими, какие они есть, и приняв, полюбить их – неповторимых, оригинальных, других: «Мне девушка вручила / Букет благоуханный, / Что век, сказала, помнил / Долину роз багряных» [8, т. 2, 23].

Отечество – Беларусь. Отечество – понятие глубоко внутреннее, оно раскрывается в том богатстве, которое собиралось в отчем углу на протяжении поколений, где сохраняется память, тепло очага... Как не припомнить Роберта Бёрнса, шотландца: «В горах мое сердце...!»! Читаем у Максима Танка в стихотворении «Беларусь»: «Я слышал в пѣснях голос твой / И облик видел благородный / В простом орнаменте народном / И в красоте земли родной» [8, т. 1, 193]. Поэт учит любить Родину. Его устами проговаривают шумящий разными голосами бор, ручей за селом, дорога, разостлавшаяся вдаль, земля, что прилегла под звездным небом.

Одна со сквозных тем поэзии Максима Танка – тема родного языка. Он посвятил ей много стихов. «Родное слово» («Из песен и сказок минувших столетий...») написана в 1943-м году. Это стихотворение можно сопоставить со стихами немецких поэтов Тридцатилетней войны в Германии (1618–1648 гг.) А.Грифиуса «Величие и ничтожество языка», Фридриха фон Логау «Немецкий язык»: «Но оголтелый Марс, воздев кровавый меч, / Терзает нашу мысль, пытается нашу речь / И делает ее безликой, бездуховной / В разорванной стране, бесправной и бескровной» [10, 198]. Стихотворение Логау звучит так же актуально, как и «Родное слово» Максима Танка: «Сквозь страшные годы смертельного боя / Пройдешь ты живой, белорусская речь...» [6, 75].

Беларусь – общество. Общество – это многослойная, многоуровневая единица, в которой выделяются разные группы. Литература отражает общественные проблемы, соответствующие тому или иному его разделению: социальные, конфессиональные, профессиональные, образовательные, гендерные, семейные... В стихотворении «Иерархия» Максим Танк воссоздает малый мир семьи в соответствии с идеей Розанова: «от земли и «я» восходит к Богу и вечности» [9, 20]. Об этом помнит поэт, поминая на Раданицу родных: «Дедушка Федор – / Патриарх нашей родни... / Родитель мой – / Незабвенный Янук / 6, 309–310].

Я – другой. Эта дихотомия символизирует отличие одного человека от другого. Но она же выявляет и единство одного со всеми, со всем, что живет и движется в окружающем нас мире. Прежде всего к этому кругу принадлежит интимная лирика М. Танка. Она имеет объективированный характер, поскольку в ней присутствуют библейские герои, образы древних мифов, легенд, сказок. Субъективное начало возрастает, когда поэт

высказывает личную заинтересованность в изменении обретшего свой порядок образа жизни (стихотворение «AveMaria»), когда повествует о любви лирического героя, за кем выступает сам поэт в разные периоды своей жизни. Образ лирического героя перерастает в символ верности, глубокой преданности женщине, рядом с которой прошли десятилетия жизни поэта.

«Есть одна песнь песней, – повторял библейское выражение Максим Танк и отвечал: – Об Отчизне» [6, 318]. Призвание поэта – служить Земле, человечеству, народу, Отчизне, «другим», можно сказать, всему тому, что определено нами в многоуровневой иерархической структуре. Насколько глубоко и точно понимал свое предназначение Максим Танк – об этом сказал он сам строками своих стихотворений. В его творчестве поэзия демонстрирует свои возможности быть способом философских размышлений, подняться над повседневностью людского существования, чтобы вобрать в себя красоту Земли и живущих на ней людей, осознать их неповторимость и бренность, а все это и есть источник обогащения и воссоздания собственного «я» в человеке.

Поэзия Максима Танка выступает своеобразной единицей схождения научного и художественного типов познания и в этом смысле представляет многообразие и целостность когнитивно--аксиологических возможностей белорусского контекста.

Общенаучной методологической парадигмой, в том числе в литературоведении, выступает системный анализ (подход). Причем, среди аспектов, его характеризующих, выделяются следующие: опора «на основные понятия теории систем и философские концепции, лежащие в основе исследования общесистемных закономерностей», объединение «специалистов различных областей знаний» и др. [15, с. 442]. Разделив два типа знаний и практической деятельности (в трагедии «Фауст»), Гете высказывает тревогу, если между ними не происходит взаимодействия:

«...Любой предмет желая изучить, чтоб ясное о нем познание получить,
Ученый прежде душу изымает, затем предмет на части расчленяет.
И видит их...

Да жаль, духовная их связь тем временем исчезла, унеслась...»

Обращаясь к этой формуле Гете и тем самым актуализируя проблему междисциплинарности, В.Н.Волкова называет окончательную цель системного анализа – уничтожение односторонности, утилитарности научного познания. Она утверждает: «Но в отличие от продолжения у Гётэ

«Да жаль, духовная их связь тем временем исчезла, унеслась...» системный анализ сохраняет и обеспечивает эту духовную связь, т.е. целостное представление об объекте и процессе принятия решения» [15, с. 442].

Три перевода одной фразы Мефистофеля, героя трагедии Гете «Фауст», включая процитированный выше, дают, по нашему мнению, специфическое и точное объяснение сущности (и ограниченности) научного познания: «Кто

хочет знать, что есть живое, / Сначала дух живой убьет, / Все части сложит, / Связи вскроет – / Духовной лишь недостает!» [19, с. 47]. “Во всем подслушать жизнь стремясь, / Спешат явления обездушить, / Забыв, что если в них нарушить / Одушевляющую связь, / То больше нечего и слушать” [20, с. 69]. «Духовная их связь» возможна только в художественном познании и освоении мира.

Подчеркнутый нами образ определяет примету целостности, в данном случае единства, сферы возможного взаимодействия научного и художественного типов познания. В системных исследованиях она называется эмерджентным качеством системы – то, что рождается в рамках единого целого, не будучи присущим отдельным его составляющим. В то же время это качество дополняет каждый из элементов в пределах единого целого. Вместе с тем именно художественному творчеству присущ духовный заряд, поток творческой энергии, воссоздаваемый творцом и передаваемый им – через свои творения – людям.

В 1970-м году Максим Танк писал: “У Гамера ён звучыўся быць сляпым, / У Байрана – кульгаць, / У Поля Фора – донжуаціц, / У Хемінгуэя – піць віскі... / І дзівіцца: чаму яго / Не лічаць класікам” [7, с. 386]. В начале XX в. на вопрос о сущности художественного творчества ответил Максим Богданович: “Добра граеце... ды ўсё не тое! І ніхто не мог растлумачыць, чаму ад грання музыкі так моцна білася сэрца... Ніхто не ведаў, што музыка ўсю душу сваю клаў у ігру” (апавяданьне “Музыка”, 1907 г. [8, II, с. 7]).

Мотив одухотворения – сквозной в мировой литературе и искусстве. Так, Саваоф на картине Микеланджело «Сотворение мира» протягивает руку – вот-вот до нее дотронется рука Адама, и тогда произойдет величайшее из чудес: человек оживет, ибо он получит то, что несет жизнь, – «одуховляющую связь», как сказал бы Гете. Сюжет создания прекрасной Галатеи античным скульптором Пигмалионом помогает Максиму Танку возобновить это неповторимый миг творения: миг оживления, одухотворения красоты: “Глядзі! Скідае туніку сваю” [7, с. 59]. Этот же мотив присутствует и в ряде других произведений поэта. Максим Танк словно ответил на вопрос про «духовную их связь» в стихотворении “Чытаючы Максіма Багдановіча”: “Кладу свае далоні – / І адчуваю полымя жывое” [7, с. 388]. Так, ремесло необходимо, и учиться нужно, нужно учиться у Гомера, Байрона, Поля Фора, Хемингуэя...но не только оно: только дух создает из неживого живое: Поэзию.

Соприкасаясь с творчеством, было бы идеальным, если бы исследователь-литературовед не разрушал единого целого – художественного мира поэта. Соприкасаясь с поэзией, было бы идеальным, если бы художественное освоение поэтом мира и традиций не разрушало, но перевоссоздавало их целостность. Поэтому любое исследование в определенном смысле должно быть конгениальным произведению, а произведение, в свою очередь, должно быть конгениальным живому миру вокруг нас.

Литература, и литературоведение в том числе, кроме названного выше, имеет общую сферу изучения вместе с другими способами познания и освоения мира, в том числе научными. В этом случае литература исследуется не столько как художественный мир, сколько как мир, который развивается по общим, не зависящим от человека фундаментальным законам и является предметом изучения в разных науках, как является предметом познания и отражения в произведениях литературы.

Белорусский контекст, таким образом, является одной из сфер взаимодействия белорусской и мировой литератур, литературы, как художественного, и науки, как рационального, типов познания и освоения действительности. И в этом смысле он позволяет преодолеть ограниченность механического целого. С одной стороны, мировой литературы как “суммы” литератур народов мира, представляя ее во взаимодействии, в диалектике взаимосвязей между составляющими ее частями. С другой – науки как аналитико-синтезирующего познания, составляющим элементом которого является момент целостности, присутствующий в некоторых своих аспектах в художественном мире писателя.

Литература:

1. Багдановіч Максім. Поўны збор твораў: У 3 т. / М.Багдановіч / Акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы; Рэдкал. В. В. Зуёнак [і інш.]. – Мінск: Издательство “Навука і тэхніка”, 1992–1995. – Т. 2. – 599 с.
2. Адамович Александр. Думать до конца: Литература и тревоги века. – М.: Издательство «Сов. писатель», 1988. – 492 с.
3. Тимофеев Леонид. Основы теории литературы: Учеб. пособие. – М.: Издательство «Просвещение», 1976. – 448 с.
4. Зинченко В. Г., В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. Методы изучения литературы. Системный подход. – М.: Издательство «Наука», 2002. – 200 с.
5. Системный анализ и принятие решений: Словарь-справочник. – М.: Издательство «Белст. Школа», 2004. – 616 с.
6. Танк Максим. Избранное. – Минск: Издательство «Мастацкая літаратура», 1999. – 398 с.
7. Данте Алигьери. Божественная комедия / А.Данте.— Минск: Издательство «Мастацкая літаратура», 1987.— 574 с.
8. Танк Максим. Избранные произведения: В 2 т. Пер. с бел. – М.: Издательство «Худож. лит.», 1971.
9. Розанов Василий. Религия и культура // В. В. Розанов: [Сборник: 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е. В. Баранова]. – М.: Издательство «Правда», 1990. – Т. 1. – 635 с.
10. Европейская поэзия XVII века (“Библиотека всемирной литературы”. Серия первая). – М.: Издательство «Худож. лит.», 1977. – 587 с.